

Способ, который придумал Е Нин, был самым простым - наловить рыбу и креветок самому. На утреннем рынке за них пришлось бы отдать ещё два медяка. Пусть сумма и невелика, но сейчас каждая монета была на счету: раз можно сэкономить, значит, стоит сэкономить. К тому же тот торговец, что продавал мелкую рыбу и креветок, держал товар далеко не первой свежести: неизвестно, сколько он пролежал, а для наvara такой улов всё равно был бы недостаточно ароматным.

Е Нин и Чжан Чжиюань вернулись к лапшичной и ещё немного прибрали её. В конце концов Чжан Чжиюань не выдержал и спросил:

— Е Нин, так в чём же всё-таки твой способ?

Губы Е Нина приподнялись в лёгкой улыбке. Он указал в сторону реки за лапшичной.

Чжан Чжиюань посмотрел туда. Это была река Цинтянь: она огибала деревню с севера, повторяя её форму, словно тыква-горлянка. На севере течение было быстрым, русло широким, а к югу вода становилась мельче и спокойнее. Обычно жители деревни брали здесь воду для хозяйства.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросил Чжан Чжиюань.

— Ловить рыбу самому, — спокойно ответил Е Нин.

— Самому?! — глаза Чжан Чжиюаня распахнулись. — Но... как это - самому ловить рыбу?

Чжан Чжиюань был учёным человеком. Из-за бедности ему приходилось помогать по хозяйству, но рыбалкой он никогда не занимался. В его представлении Е Нин, хрупкий гер, с тонким телосложением, тем более не мог уметь такого. Он и представить не мог, что в прежнем мире Е Нин не раз ловил рыбу: там возможность съесть хоть кусочек рыбьего мяса была уже роскошью и счастьем.

Е Нин отложил вещи и сказал:

— Ты оставайся здесь, присмотри за лавкой. А я пойду наловлю рыбы и креветок.

— Погоди, погоди! — Чжан Чжиюань поспешно остановил его. — Как ты можешь лезть в воду? Речная вода холодная, ты же так подорвёшь здоровье!

Е Нин совсем недавно тяжело переболел как раз после того, как провалился под лёд. Болезнь тянулась долго, и лишь теперь он начал понемногу приходить в себя. Чжан Чжиюань жил в Цинтяньской деревне всего ничего, болезненного Е Нина не видел, но наслышан был достаточно. Как же теперь позволить ему снова идти в воду?

Е Нин нарочно посмотрел на журчащую реку и усмехнулся:

— Кузен, при таком солнце эту воду скорее в кипяток превратит, чем в холодную. Какая уж тут стужа?

— Это... — в подтверждение его слов по виску Чжан Чжиюаня скатилась капля пота. И правда, стояла нестерпимая жара; в такую пору и окунуться было бы в радость.

Но он всё равно упрямо покачал головой:

— Нельзя. Никак нельзя.

Он мялся, запинался, лицо его внезапно залила краска. Он то косился на Е Нина, то бросал взгляд на реку и снова отчаянно мотал головой, решительно не позволяя тому спускаться к воде.

Е Нин - гер, да ещё и не женатый. Если он войдёт в реку, одежда непременно намокнет. Снимать её или нет, в любом случае это будет неприлично.

Наконец Чжан Чжиюань словно решился на отчаянный шаг и, стиснув зубы, сказал:

— Давай так. Ты в воду не пойдёшь. Останешься на берегу и будешь показывать. На какую рыбу укажешь, ту я... я тебе и выловлю.

Выглядел он при этом так, будто шёл не рыбу ловить, а добровольно бросаться на верную гибель, словно собирался сам стать кормом для рыбы.

Е Нин понял его намерения. Его двоюродный брат был человеком прямым и честным, но при этом излишне чопорным: в его глазах между мужчиной и гером пролегла строгая граница. Для самого же Е Нина никакой разницы не существовало, мужчина так мужчина, гер так гер; он, натурал до костей, и в голову не брал подобных условностей.

Он кивнул:

— Тогда благодарю, кузен.

Они подошли к реке. Чжан Чжиюань снял обувь и аккуратно поставил её у большого камня, затем закатал штанины, подтянул рукава и заправил полы одежды за плетённый пояс, чтобы не намочить. Лишь после этого, осторожно и неловко, он начал заходить в воду.

— Ай... вода всё-таки прохладная, — прошипел Чжан Чжиюань и тут же наставительно

добавил: — Е Нин, стой подальше, не то одежду забрызгает, потом ещё простудишься... Ай!

Он на миг отвлёкся, а камни под ногами, отполированные течением до зеркального блеска, оказались коварными: нога поехала, и он едва не рухнул в реку.

— Осторожнее, кузен, — с некоторым бессилием сказал Е Нин. С его-то равновесием и ловкостью рук Чжан Чжюаню и правда стоило бы держаться подальше от воды, смотреть было тревожно.

— Н-ничего... всё в порядке! — Чжан Чжюань отчаянно замахал руками, кое-как удержался и не свалился. Он говорил с показной решимостью, но сердце у него всё ещё бешено колотилось.

— Рыба! — внезапно вскрикнул он.

Когда он поскользнулся, ногой перевернул камень на дне; из-под него взметнулась тина, и из щели выскочила перепуганная рыба. Хлестнув хвостом, она юркнула мимо его ног.

Чжан Чжюань вытаращил глаза. Рыбу он, конечно, ел, но такую - живую, блестящую, трепещущую - видел впервые. Позабыв о конфуцианских «чжи-ху-чжэ-е»*, он закричал:

— Рыба! Такая жирная! Не... не убегай!

(ПП: это классические грамматические частицы классического китайского языка (вэньяня), которые не имеют прямого перевода, но являются его ярчайшим маркером. В современном языке и особенно в разговорной речи это выражение стало идиомой, означающей «высокопарные, книжные, заумные речи», «учёные рассуждения» или даже «скучная и непрактичная догма».)

Захлюпала вода, брызги разлетелись во все стороны. Под ярким солнцем они вспыхивали и переливались, прозрачные и звонкие, принося с собой свежесть и прохладу.

Чжан Чжюань метался, шумел, плескался, и как раз в тот момент, когда Е Нин зевнул, едва не задремав от ожидания, тот вдруг выпрямился из воды и с торжествующим криком поднял добычу:

— Поймал! Рыба! Большая, жирная!

Глаза Е Нина мгновенно загорелись. Обычно спокойный и ровный, не знающий ни бурной радости, ни уныния, он сейчас смотрел на добычу с искренним восторгом. Тёмные, блестящие глаза наполнились живым светом, и всё его лицо сразу стало более подвижным и ярким.

Жирная рыба выглядела уродливо: по бокам у пасти свисали два длинных уса, наверно, какая-

то родственница донного сома. Подобную рыбу деревенские презирали: во-первых, из-за безобразной внешности - суеверные и замкнутые жители звали её «речным чудищем» и даже думать не хотели о том, чтобы есть; во-вторых, она пряталась в расщелинах между камнями и потому избегала сетей и ловушек. Так год за годом и отъедалась до такой толщины.

Для бульона она не годилась, отвар наверняка тянул бы илом и сырой землёй. Зато для жарки в самый раз: мясо толстое, жирное, особой нежности не требовало, костей мало - ешь и не морщись.

Е Нин махнул рукой:

— Кузен, вылезай скорее.

Чжан Чжиюань обеими руками вцепился в рыбу и, подняв голову, под ярким солнечным светом вдруг встретился со взглядом Е Нина. Тот улыбался: на белой коже проступил лёгкий румянец, изгиб губ был едва заметен, но удивительно красив. В одно мгновение солнце словно померкло, будто весь мир утратил краски, и лишь Е Нин остался единственным источником света.

Чжан Чжиюань замер, заглядевшись, и пальцы его невольно ослабли. Рыба тут же ожила, зашлёпала хвостом, словно ладонью, и безжалостно отвесила Чжан Чжиюаню по лицу пять или шесть звонких ударов.

— Ай! — он опешил, руки разжались, и жирная рыба, дёрнувшись всем телом, ловко выскользнула. Вода была скользкой, рыба юркой; раздался крик, и Чжан Чжиюань с плеском рухнул в реку, а добыча ушла...

— Кузен! — Е Нин не ожидал, что тот окажется таким «неумёхой»: упустить уже пойманную рыбу - ладно, но ещё и самому свалиться в воду! Он тут же подбежал, не заботясь о том, что одежда намокнет, и одним движением вытащил Чжан Чжиюаня из реки.

— Кха... кха-кха... тьфу... — тот наглотался воды, всё лицо было в иле и песке. Никогда ещё он не выглядел столь жалко.

— Ты цел? — поспешно спросил Е Нин.

— Кхе... кхе-кхе... я... я в по... — Чжан Чжиюань хлопал себя по груди, заходясь кашлем. — Всё... всё в порядке...

На «в порядке» это походило меньше всего.

Когда кашель немного утих, он вдруг заметил, что Е Нин тоже вошёл в воду. Одежда промокла насквозь и плотно облепила его хрупкое тело, подчёркивая стройный, вытянутый силуэт. Под солнечными лучами эта картина так ударила Чжан Чжиюаню в глаза, что у него потемнело в

голове.

Он поспешно отвернулся и закрыл лицо руками:

— Е Нин, зачем ты полез в воду? Скорее, скорее выходи! Немедленно на берег!

Е Нин беспомощно вздохнул:

— Лучше это ты выходи. Рыбу поймаю я.

— Но...

— Никаких «но», — отрезал Е Нин тоном, не допускающим возражений. — Выходи на берег.

В этом голосе было что-то такое, чему Чжан Чжюань не смог противиться. Он неловко пробормотал:

— Ладно... тогда я выйду. Ты только будь осторожен.

За усадьбой семьи Цзян как раз протекала река Цинтянь. Из-за того, что владения Цзян занимали огромную площадь и поблизости не было чужих дворов, сюда издавна никто не приходил ловить рыбу, место оставалось тихим и безлюдным.

Но сегодня всё было иначе...

— Опять этот Нин-гер? — удивлённо сказал Чэн Чжао.

Юй Юань, как обычно немногословный, лишь скрестил руки на груди и кивнул.

— Хозяин, — сказал Чэн Чжао, — я схожу посмотрю.

Чэн Чжао распахнул дверь, одним прыжком вскарабкался на стену и, выглянув наружу, невольно выдохнул:

— Ох...

Он резко втянул воздух и тут же закрыл глаза ладонями.

Цзян Чансинь нахмурился. Эти двое при нём - Юй Юань и Чэн Чжао - были людьми разными:

первый молчалив и хладнокровен, второй живой и ловкий, но ни тот ни другой не отличались пустой суетливостью. Чтобы Чэн Чжао так растерялся - такое случалось редко.

— Что произошло? — спросил Цзян Чансинь.

— Он... он... — Чэн Чжао по-прежнему прикрывал глаза, но всё же подсматривал сквозь пальцы. Лицо его пылало, слова застревали в горле. — Нин-гер... он... снял... снял...

Он так и не смог договорить.

Юй Юань не понял ни слова. Да и сам Цзян Чансинь, человек, проживший уже вторую жизнь и повидавший многое, тоже ничего не понял. Чэн Чжао мялся и запинался, тот самый Чэн Чжао, который обычно был сообразителен и красноречив, сегодня словно язык проглотил.

Цзян Чансинь никогда не отличался излишним любопытством, но сейчас ему действительно стало интересно: что же такого делает Е Нин?

Он поднялся, вышел во двор. Полы его роскошного одеяния едва шевельнулись, и он уже одним лёгким движением, словно дикий гусь или охотящийся ястреб, взлетел на высокую стену и посмотрел в сторону реки.

И увидел...

Е Нин снял обувь, закатал штанины и рукава, обнажив белоснежные руки и ноги, и стоял в воде. Он выглядел хрупким и худощавым, но не измождённым, напротив, его голени были длинными, с плавными, изящными линиями. Капли воды стекали по коже, оставляя за собой извилистые, почти чарующие следы.

Он наклонился и что-то выискивал в реке. Двигался небыстро: то замирал, то делал короткое движение, иногда надолго задерживался на месте. Его чёрные, яркие глаза всё время скользили по воде, как у лисёнка, выслеживающего добычу, в них поблёскивала хитрая, сосредоточенная живость.

Вдруг всплеск!

Е Нин резко рванулся. Хотя он не владел боевыми искусствами, движение вышло на удивление стремительным и чистым, без лишней суеты. Он наклонился ниже, почти прижавшись к воде, и ухватил что-то в реке.

Его тонкие руки напряглись, сражаясь с сильным рывком добычи. Белое лицо вспыхнуло румянцем, губы сжались, он прикусил нижнюю губу. Его согнутая фигура наклонилась ещё ниже, линии спины и бёдер обрисовались так отчётливо, что от этого перехватывало дыхание: стыдно было смотреть и невозможно было отвести взгляд.

— Попалась, — губы Е Нина слегка приподнялись: в руках у него билась крупная, жирная рыба.

Цзян Чансинь, опираясь о край стены, медленно прищурил глаза. Этот Е Нин... он был совсем не похож на того нежного, беспомощного гера из прошлой жизни.

<http://bllate.org/book/15118/1354571>